

ЦЕННОСТИ ПРОШЛОГО КАК ИСТОЧНИК ЦЕННОСТНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В статье рассматривается проблема ценностной детерминации исторического знания. Исследуются механизмы влияния ценностей изучаемых исторических индивидуумов и прошлых культур на знание об этих объектах. Подчеркивается различие между знанием о ценностных отношениях и осознанием ценности чего-либо. Выдвигается предположение об их взаимозависимости.

Ключевые слова: историческая эпистемология, знание, ценности, наука, философ, исследование, проблема, прошлое.

В ходе изучения роли ценностей в историческом познании неизбежно возникает вопрос об источниках ценностной детерминации исторических представлений. Под этими источниками мы подразумеваем те сферы и продукты культуры, сферы социального и личного бытия, откуда происходит проникновение ценностных представлений и отношений в познание прошлой социальной реальности. Руководящей идеей наших поисков служит убеждение, что функции, выполняемые ценностями в историческом познании, обусловлены отношением к познавательному процессу тех сфер, в которых эти ценности культивируются и из которых их влияние проникает в познание. Для иллюстрации этой мысли скажем, что ценности государственной идеологии, будучи внешним по отношению к науке фактором, влияют на получаемые знания совершенно иначе, чем, к примеру, внутринаучные когнитивные или этические ценности научного сообщества. По-разному воздействуют на создаваемую историком картину прошлого ценности авторов летописей и иных исторических документов и мировоззренческие убеждения самого историка. Развитием данной идеи выступает предположение, что выявление источников ценностной детерминации и определение их отношения к познанию способствуют раскрытию и объяснению механизма воздействия ценностей на процесс исторического исследования, на форму и содержание получаемого знания. Мы выделяем три источника этого влияния – социокультурно обусловленная активность познающего субъекта; ценностная нагруженность исторических источников; ценности и ценностные отношения как компоненты прошлой социальной реальности, являющейся объектом исторического познания. Предметом нашего анализа является третий из указанных здесь источников.

Проблема состоит в том, чтобы понять, воздействуют ли на ученого ценности прошлого при его знакомстве с ними в процессе изучения специфики прошлой культуры. Становятся ли изучаемые им ценности его собственными ценностями, влияя затем на его понимание и объяснение прошлой реальности? Другими словами, можно ли считать ценностную обусловленность объекта исторического познания источником ценностной детерминации исторических представлений? Для анализа данной проблемы целесообразно обратить внимание на некоторые особенности научно-исторических текстов.

Можно заметить, что в трудах историков широко используются аксиологические категории: добро, зло, благо, вред, прекрасно, безобразно, хорошо, плохо, улучшение, ухудшение и т.п. Эти категории часто замещаются аналогичными по смыслу словами и выражениями, несущими аксиологическую нагрузку (польза, варварство, прогресс, процветание, возвышение, упадок, «темные и светлые стороны политики» и т.п.), и вступают в разнообразные смысловые сочетания с понятиями, выражающими различные грани человеческого бытия (благородный, добродетель, благодеяние, злоупотребление «благополучие граждан», «благодеяние государства», «народное бедствие» и т.п.). Кроме этого, в исторических повествованиях, описывающих то, «как оно было на самом деле», нередко содержатся аксиологические рассуждения, в которых подразумевается то, «как оно должно было быть». Необходимо выяснить, в каком отношении к историческому знанию находятся подобные высказывания. Принято считать, что ценности и знания – это разные по своей природе феномены психической жизни человека, результаты противоположно направленных психических процессов – оценки и по-

знания. Оценка является сопоставлением впечатлений от действительности с ее идеальным образом для выяснения соответствия ему, а познание – это приведение мысленного образа к соответствию действительности [1, 8–9]. Принимая это во внимание, зададим вопросы: почему в исторических описаниях встречаются упомянутые категории и какое отношение к знанию о прошлых событиях имеют рассуждения аксиологического характера?

Одна из причин присутствия аксиологических категорий в исторических текстах состоит в том, что ценности и ценностные отношения являются компонентами прошлой социальной реальности, которую история изучает. Описание жизненного мира человека, описание человеческих отношений не может не содержать ценностных категорий – благо, справедливость, добро, красота и т.п. В качестве общей исходной посылки рассуждения, обосновывающего необходимость обращения историков к познанию ценностей исторических индивидуумов и культур, приведем слова известного российского философа А.А. Ивина: «История – результат деятельности людей, направленной на определенные, сформулированные ими самими цели и ценности» [1, 264]. Одновременно с этим историю можно также считать и результатом взаимодействия многих случайных факторов, духовных и природных. Но тот факт, что целенаправленная и хорошо продуманная деятельность людей часто приводит к неожиданным и нежелательным последствиям, сам по себе не опровергает утверждения, что человеческие действия направлены на цели и ценности, а значит, вызываются и стимулируются желанием их реализации. Из мысли, высказанной А.А. Ивиным, следует, что цели и ценности участвуют в формировании социальной реальности, определяя этим содержание исторического знания. Кроме этого, цели и ценностные отношения прошлого могут играть роль объектов познания. Так как исторический процесс складывается из совокупной деятельности людей, направляемой этими феноменами, знание о них есть компонент общего знания об историческом процессе. Необходимость их познания обосновывает Б.В. Марков в статье «Своеобразие исторического»: «Человеческий мир, деяния человека могут быть поняты лишь в том случае, когда исследователь принимает во внимание ценности и социальные нормы, традиции и обычаи, действующие в обществе, образующем ок-

ружающую среду, к которой приспосабливаются и которую преобразуют субъекты истории» [2, 16]. Действительно, смысл человеческих действий мы можем понять, только соотнеся внешние, чисто физические их проявления, с теми идеями и желаниями, которые эти действия вызвали. Знание ценностей человека дает ключ к пониманию его намерений, подлинных мотивов его деятельности, ключ к пониманию того, почему в сложившейся ситуации этот человек повел себя так, а не иначе. Все это помогает выявить и более точно определить причины исторических событий.

Так, например, при объяснении противоречивости внутривластной деятельности Екатерины II В.О. Ключевский выводит часть причин этих противоречий из несогласованности ценностей, целей и желаний самой императрицы. В частности, учет этих субъективных факторов способствует адекватному пониманию факта созыва Уложенной комиссии по выработке новых законов Российской империи. Чем были созыв и деятельность этой комиссии – демагогическим фарсом, разыгранным правительством, началом российского парламентаризма или чем-то другим? В.О. Ключевский показывает, что законодательская инициатива Екатерины была искренней попыткой переустройства российской действительности в соответствии с идеалами Просвещения. Знаменитый екатерининский «Наказ», адресованный Уложенной комиссии в качестве руководящего документа был проповедью торжества разума, справедливости, начала законности, свободы, равенства и братства. Привлечение к законодательству представителей сословий было средством приобретения опоры во всенародном согласии и средством убеждения российского общества в благих намерениях правительства. О ценностно ориентированных мотивах преобразовательной деятельности Екатерины II В.О. Ключевский говорит словами ее же собственных рукописных заметок: «Я желаю, я хочу лишь добра стране, куда Бог меня привел <...> слава страны – моя собственная слава; вот мой принцип; была бы очень счастлива, если бы мои идеи могли этому способствовать. Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, – вот принцип, от которого я отправляюсь. Власть без народного доверия ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным; этого легко достигнуть: примите за правило ваших действий, ваших уставов благо народа и спра-

ведливость, неразлучные друг с другом, – свобода, душа всех вещей! Без тебя все мертво. Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов; хочу общей цели – сделать людей счастливыми, а не каприза, ни странностей, ни жестокости» [3, 623]. Однако, как отмечает В.О. Ключевский, эти благие намерения, внушенные идеями Просвещения, на деле приносились в жертву главной ценности Екатерины, которой был «блеск ее попечительного самовластия» [3, 622]. Эта ценность в ее сознании затмевала все остальные. В ходе деятельности Уложенной комиссии политические идеи Екатерины столкнулись с непримиримостью сословных интересов, а допущение участия общества в управлении и утверждение начала законности было нейтрализовано желанием властвовать, «не выпускаемая из рук ни одной нити самодержавия» [3, 631]. Таким образом, мы видим, что примененный историком аксиологический подход послужил основой понимания и рационального объяснения деятельности субъекта исторического процесса. Приведенные при этом выдержки из рукописей Екатерины представляют собой типичный пример функционирования ценностных категорий и утверждений в общей системе исторических представлений в качестве знания о ценностях.

Так как ценности прошлых эпох и культур, ценности исторических индивидуумов есть элементы, входящие в объект исторического познания, описание этих ценностей, само их упоминание необходимо входит в содержание исторических повествований. Познание этих элементов остается в рамках установления фактов. Данную мысль выразил Г. Риккерт в своем труде «Границы естественнонаучного образования понятий»: «ценности могут быть констатируемы как факты, и в особенности их фактическое признание определенной группой людей в принципе можно установить опытным путем» [4, 458]. Соглашаясь с этой мыслью, следует признать, что знание о ценностях прошлого – необходимый и важный элемент научного исторического знания. Таков ответ на вопрос о том, почему в научно-исторических текстах встречаются аксиологические категории и какую когнитивную роль они играют.

Попытки ответа на вопрос о том, какое отношение к знанию об исторических фактах имеют рассуждения аксиологического характера, ведут в область разногласий и противоречий. Существует различие между знанием о ценнос-

тях и знанием ценности чего-либо (знанием цены), ценностно окрашенным знанием и аксиологическими рассуждениями. Знание о чужих ценностях – это такое же знание, как и знание о любом другом внешнем объекте – духовном или физическом. Оно получается путем познания. Но знание ценности чего-либо есть представление о том, насколько оно ценно и почему. Оно рождается в результате оценки и сопровождается тем, что индивид, имеющий данное представление, ценит предмет своей оценки, т.е. находится в ценностном отношении к нему. Ценностное отношение не может не влиять на восприятие этого предмета, порождает ценностно окрашенное знание о смысле и значении данного предмета. Оперирование такого рода ценностными представлениями, этические или эстетические размышления выходят за рамки суждений о фактах действительности и не порождают ментальных образов, к которым применимы критерии шкалы «истинно - ложно». Стоит сказать, что в некоторых случаях ценностные рассуждения могут входить в содержание исторического знания именно в качестве элемента этого знания. Например, описывая политические идеи Екатерины II, В.О. Ключевский приводит следующее высказывание: «законы – самое большое добро, какое люди могут дать и получить» [3, 624]. В данном случае это ценностное суждение не самого историка, а изучаемого им исторического деятеля. Оно приводится как элемент описания взглядов российской императрицы. Оно не выражает отношения В.О. Ключевского к законам, а описывает исторический факт отношения к ним Екатерины II, подтверждаемый тем, что так писала сама императрица. Выделенное здесь суждение в контексте играет роль предмета познания и является знанием о ценностных представлениях конкретного исторического индивидуума. Для контраста приведем слова из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: «...рождались самодержавие. Сия перемена, без сомнения, неприятная для тогдашних граждан и бояр, оказалась величайшим благодеянием судьбы для России» [5, 136]. Далее Н.М. Карамзин объясняет, почему утверждение самодержавия было благотельно для страны и ее народа: оно обуздывало боярские смуты и кровавые междоусобицы времен удельной раздробленности. «Самодержавие, искоренив сии злоупотребления, устранило важные препятствия на пути России к независимости» [5, 137], – пишет исто-

рик. В приведенных рассуждениях Н.М. Карамзина об исторической роли и значении утверждения самодержавия в России содержатся аксиологические суждения о ценности для страны конкретных явлений и процессов исторической действительности. Сами же эти суждения основаны на авторских мировоззренческих убеждениях и его собственных представлениях о благе и зле. Даже если мы разделяем мнение «Колумба российской истории», это еще не означает, что его слова о значении самодержавия могут рассматриваться нами как истинные или ложные, потому что они представляют оценку, а не констатацию факта. Равным образом читатель может соглашаться или не соглашаться с замечанием В.О. Ключевского, что «самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть» [3, 477]. Итак, мы увидели два типа аксиологических суждений в составе исторических описаний. Первый, будучи знанием о ценностях, остается в рамках научности, второй – выводит за эти рамки, соединяя знания реальности с ценностными представлениями о ней. Наличие суждений второго типа превращает научный исторический дискурс в идеологический и аффирмативный, т.е. утверждающий какие-либо идейные позиции.

На основании рассмотрения этих двух типов суждений можно попытаться ответить на вопрос о возможности закономерной, необходимой связи между ними. Существует ли возможность логического перехода от фактических утверждений о ценностях к ценностно обусловленным оценочным утверждениям о фактах действительности? Согласно общеизвестному принципу Юма такой переход невозможен. Утверждения о долженствовании не могут быть логически выведены из посылок, констатирующих наличие фактических связей. А.А. Ивин отмечает, что, несмотря на то, что Д. Юм в своем «Трактате» не привел никаких аргументов в поддержку идеи о невыводимости «должен» из «есть», все попытки ее опровержения ни к чему не привели [1, 161]. Поэтому механизм превращения знания о действительности в ценностные представления о ней следует искать вне сферы действия принципа Юма, принимая за субъект познания не просто чистый *ratio*, а целостную человеческую личность в совокупности всех ее психических процессов. В соответствии с современными эпистемологическими критериями и стандартами в научном дискурсе

не должно быть логических нарушений и ненаучных, например моральных, оценок. Но в истории мы часто наблюдаем, что автор, излагая свои наблюдения относительно дел человеческих, вдруг незаметно переходит от связки «есть» к связке «должно» или «не должно» и, соответственно, к оценкам. Эта подмена отношений представляет собой логическое нарушение. Однако эпистемологическая проблема заключается не в том, чтобы доказать, что в истории есть оценки и некоторые другие моменты, не соответствующие современному идеалу научности. Проблема состоит в том, чтобы понять, как и почему именно так историки познают. Одним из моментов этой общей проблемы является выяснение того, воздействуют ли на ученого ценности прошлого при его знакомстве с ними во время изучения специфики прошлой культуры. Становятся ли изучаемые им ценности его собственными ценностями, влияя затем на его понимание и объяснение прошлой реальности? Для выяснения этого нужно проследить, трансформируется ли ценностная детерминация объекта знания в ценностную детерминацию самого процесса познания.

Само по себе присутствие аксиологических категорий в исторических повествованиях – еще не признак ценностной обусловленности исторических знаний. Из простого факта присутствия ценностно-оценочных понятий в тексте нельзя делать вывод о том, что ценности прошлого каким-то образом повлияли на точку зрения историка, на его видение прошлой социальной действительности, на его работу. Основанием для такого вывода могут служить некоторые мысли, высказанные историком о своем объекте, из которых явствует, что он, прочувствовав и осознав ценности исторических индивидуумов и культур, увлекся ими и стал не только видеть изучаемую ситуацию с точки зрения действовавших в ней участников, но и вошел в эмоционально-чувственное, ценностное отношение с элементами прошлой действительности, близкое по тональности с отношением к ней непосредственных участников событий. Признаками ценностной детерминации исторического знания ценностями изучаемого объекта могут считаться проявления тенденциозности историка в трактовке событий, понимании их сути и характера, объяснении причин и следствий. Кроме этого, указанными признаками могут быть также и видение скрытых мотивов деятельности субъектов исторического процес-

са, тонкости понимания внутренней стороны событий прошлого. При этом должно быть заметно, что само обращение к изучаемой теме повлияло на формирование точки зрения историка, породило ценностное отношение к прошлой действительности. Точка зрения историка всегда находится в зависимости от социокультурного влияния современности. Ученый, как правило, задает вопросы прошлому исходя из потребностей и представлений современности. Но если в его описании и объяснении прошлого проявляются мысли и оценки, выражающие понимание прошлой ситуации исходя из ценностных представлений прошлого, то мы вправе делать предположение о ценностной детерминации знания этого историка ценностями изучаемых им субъектов и прошлых культур.

Постараемся показать ход мысли, приводящий к гипотезе о воздействии изучаемых историками ценностных отношений прошлого на ход и результаты исторических исследований. В.О. Ключевский в работе, посвященной методологии русской истории, пишет: «полнота исторического изучения неизбежно зависит от широты личного кругозора историка, который обыкновенно рассказывает, да и может рассказать, только то, что знает и понимает сам» [6, 88]. Данная мысль воспринимается как самоочевидная аксиома. Применительно к нашей проблеме из нее следует, что полнота вновь конструируемого при познании образа прошлой социальной действительности зависит в том числе и от знания о прежде познанных и понятых явлениях прошлого. Поскольку, как мы отметили ранее, в число компонентов прошлой социальной реальности, подлежащих познанию, входят ценностные отношения, ориентирующие деятельность исторических индивидуумов и развитие целых культур, то можно заключить, что прежде усвоенное знание о ценностях субъектов исторического процесса определяет полноту познания еще неизвестных сторон изучаемого объекта. Понимание историком смысла и значения прошлых явлений обусловлено спецификой горизонта предпонимания, образуемого прежде усвоенным знанием. Но более того, изучение истории не только расширяет чисто интеллектуальный кругозор, она обогащает внутренний опыт познающего. Н.М. Карамзин писал, что история «представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы

живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим» [5, 5]. Мы согласны с историком в том, что история – это не просто абстрактное рациональное познание внешних по отношению к нам объектов, но в какой-то мере и переживание опыта людей прошлого, продумывание их мыслей, проживание их жизни, а значит, и сопереживание их чувствам любви и ненависти, которые есть не что иное, как формы ценностных отношений к действительности. При этом знание о ценностях может породить ценностное отношение. Обычное возражение этому заключается в том, что со времен Н.М. Карамзина историческая методология шагнула далеко вперед и сейчас четко разделяются задачи и методы дидактическо-аффирмативной и научной историографии. Ученый не стремится с помощью изучения прошлого утверждать образцы в настоящем, старается быть беспристрастным и преследует только одну цель – постижение истины. Но механизм ценностной детерминации, приводящий к тому, что историк «живет с людьми всех времен, любит и ненавидит с ними», действует не только и даже не столько непосредственно в момент проведения исследования, сколько как неотъемлемая у истории ее социальная функция – поддержание образцов. Выполняя эту функцию, история транслирует ценности прошлого в современную культуру, и изучение истории есть средство такой трансляции. История традиционно играла роль «*magistra vitae*» – наставницы жизни, предоставляя современности образцы и уроки прошлого. Эти уроки и образцы будущий историк усваивает задолго до начала самостоятельных исследований, и, конечно же, усвоенные идеалы прошлого образуют горизонт предпонимания вновь открываемых явлений. Так, например, в биографии С.М. Соловьева говорится, что «к тринадцати годам «История государства Российского» Николая Михайловича Карамзина была прочтена, пожалуй, раз двенадцать <...> при чтении пробуждался патриотизм, наивный, детский» [7, 21]. Поэтому можно утверждать, что прежде чем у ученого вырабатывается беспристрастный научный подход к изучению своего предмета, прежде чем он научится непредвзято, контролируя свои симпатии и антипатии, рассматривать факты прошлого, ценности этого прошлого по большей части оказываются уже усвоенными. Это приводит к прозрачности культуры прошлого для понимания, к способности историка взглянуть на факты прошлой

действительности «изнутри», глазами действовавших тогда людей. Это обеспечивает глубину познания прошлой действительности и ее объективность – ибо историку не приходится привлекать для образования индивидуализирующих понятий какие-то посторонние ценности, чуждые исследуемому миру. Описанный выше механизм ценностной детерминации исторических представлений создает общность ценностей историка и изучаемого им объекта.

Еще одно подтверждение зависимости исторических знаний от ценностей изучаемых культур, обществ и личностей может быть выведено из концепции Р. Дж. Коллингвуда, согласно которой историческое знание есть воспроизведение прошлого в собственном сознании историка. Британский мыслитель считает, что «историк, изучающий цивилизацию, отличную от его собственной, может понять ее духовную жизнь, только воспроизведя ее внутренний опыт в самом себе. Если современный западноевропейец изучает Эллинистическую цивилизацию исторически, то он усваивает духовные богатства этой цивилизации и делает их составной частью своего собственного духовного мира» [8, 156]. Наличие этого усвоения подтверждается тем, что формирование Западной цивилизации осуществлялось именно таким образом. Знакомясь с культурой прошлого, историк ментально воспринимает ее ценности, «но что бы ни включалось в сознание историка, оно становится частью структуры его личности» [8, 165]. Этими словами Р. Дж. Коллингвуд признает, что ценности изучаемого объекта, осознанные историком, в какой-то мере становятся его собственными ценностями либо хотя бы осознаются именно как ценности, а не как чисто рациональная информация. Итак, усвоение духовных богатств прошлого в процессе изучения обогащает внутренний мир и духовный опыт историка, и это, по мнению Р. Дж. Коллингвуда, определяет эффективность дальнейшего познания, ведь «именно благодаря собственной духовной жизни, в зависимости от ее внутреннего богатства, он может вдохнуть жизнь в мертвые материалы, лежащие перед ним» [8, 165]. Здесь мы видим совпадение мнений Р. Дж. Коллингвуда и В.О. Ключевского по данному вопросу. Это совпадение служит поддержкой идеи о влиянии ценностей прошлой социальной реальности на восприятие этой реальности историком. Подобные идеи развивались также в рамках интуитивистского направления историографии

эпохи романтизма и несколько позже были теоретически обоснованы в работах немецких представителей «философии жизни» В. Дильтея и Г. Зиммеля. Они предлагали метод познания, основанный на эмпатии – проникновении во внутренний мир изучаемых людей путем вживания, психологической попытки поставить себя на их место и понять таким способом намерения и мотивы деятельности тех людей. Данный метод, основанный на выводе по аналогии, в той или иной степени применяется историками, давая знания в некоторой доле вероятности. Метод «вживания» есть попытка установления ценностного отношения с теми объектами, которые ценились в изучаемых культурах прошлого, попытка не просто знать о ценностях, но и ценить эти ценности так же, как они ценились в прошлом. Поэтому данный метод есть сознательное, намеренное осуществление и использование ценностной детерминации исторического познания и в итоге конструирование ценностно обусловленных исторических представлений. Объяснение механизма ценностной детерминации, используемого историками-интуитивистами, а также его варианта, обоснованного Р. Дж. Коллингвудом, не апеллирует к учету социальных функций исторического познания и остается в более тесных рамках эпистемологии, ибо строится только на учете когнитивных закономерностей.

Эпистемологическая проблема, остающаяся нерешенной при объяснении данного механизма, заключается в неясности того, что значит «познание ценности». Нам представляется, что ценность, будучи объектом рационального знания, утрачивает свои феноменальные свойства ценности и становится просто единицей знания. При этом она не воспринимается, не чувствуется ученым как значимость, оставаясь непознанной «вещью в себе». Чтобы знать вкус яблока, нужно вкусить его, иначе знание о вкусе яблока будет просто бессодержательным набором слов, которые ничего не говорят. Подобным образом, чтобы познать ценность чего-либо, надо ее почувствовать. Для познания какого-либо объекта необходимо вступить с ним во взаимодействие, которое может быть сенситивно-эмпирическим, рациональным или смешанным. Познавательное взаимодействие субъекта и объекта создает между ними отношение. В связи с этим возникает вопрос: можно ли знать, вернее, понимать ценность и при этом не ценить ее? Можно ли понимать ценность чего-либо,

например «начала законности» в государстве или «свободы» личности, и при этом не чувствовать значимости этих объектов, т.е. не находиться с ними в ценностном отношении? Историк может рационально познать объект чьего-либо ценностного отношения, но при этом не почувствовать и не осознать ценность этого объекта. На наш взгляд, рационально познать как факт действительности можно не ценность, а ценностное отношение. Результатом будет «знание о ценности». Но «познать ценность» – это значит почувствовать ее, что является установлением ценностного отношения. Знать ценность и ценить – это одно и то же. Но «знание ценности» и «знание о ценности» – это разные вещи. Возможность превращения второго в первое обосновывается в логике рассуждений Р. Дж. Коллингвуда. Это явление происходит в сфере, находящейся вне поля действия принципа Юма, т.е. вне рационального мышления.

Таким образом, на основании рассмотренных подходов мы пришли к выводу о правомерности признания ценностей объекта исто-

рического познания источником ценностной детерминации исторических представлений. Так как ценности являются неотъемлемым атрибутом жизненного мира человека, для понимания и адекватного описания человеческого бытия необходимо знание о ценностях и их репрезентация в картине прошлой социальной реальности. Необходимой предпосылкой понимания ученым ценностей прошлого является наличие у него собственных аксиологических представлений и собственного опыта ценностных отношений. Этот опыт углубляется при усвоении историком духовных богатств изучаемой культуры, что служит более полному и адекватному ее пониманию. Способами трансляции ценностных представлений прошлого в историческое знание выступают выполнение историей социальной функции поддержки образцов, усвоение историками ценностей прошлого в процессе исследования посредством эмпатии, а также изучение и репрезентация в описании ценностных суждений исторических индивидуумов в качестве знания о ценностях.

30.03.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Ивин А.А. Аксиология. Научное издание / А.А. Ивин. М.: Высшая школа, 2006. 390 с.
2. Марков Б.В. Своеобразие исторического // Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
3. Ключевский В.О. Избранные лекции «Курса русской истории» / В.О. Ключевский. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 672 с.
4. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Г. Риккерт. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
5. Карамзин Н.М. Об истории государства Российского / Н.М. Карамзин. М.: Просвещение, 1990. 384 с.
6. Ключевский В.О. История России. Специальные курсы / В.О. Ключевский. М.: Астрель, 2003. 479 с.
7. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев / Н.И. Цимбаев. М.: Мол. гвардия, 1990. 366 с.
8. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. М.: Наука, 1980. 485 с.

Сведения об авторе: Щербаков Дмитрий Александрович, аспирант кафедры философии и религиоведения Оренбургского государственного педагогического университета.

ООО «Стройландия», магазин 4, ул. Пролетарская 247, тел. (3532)216261, 89619344211

Scherbakov D.A.

Values of the past as a source of value determination of historic views

The article studies problem of value determination of historical knowledge. Author examines mechanisms of influence of value of investigated historical individuals and overpast cultures to knowledge about these objects. Author marks out difference between knowledge of value relations and understanding of value of something. Author presupposes that they are interdependent.

Key words: historical epistemology, knowledge, values, science, philosopher, research, problem, past.

Bibliography:

1. Ivin A.A. Axiology. Scientific edition / A.A. Ivin. M.: Vischaya schola, 2006. 390 p.
2. Markov B.V. The Individuality of historic // H. Rickert. The limits of natural scientific concept formation. The logical introduction into historical sciences. / B.V. Markov. SPb.: Nauka, 1997. 532p.
3. Klyuchevsky V.O. The chosen lectures of the «Course of the Russian history». / V.O. Klyuchevsky. Rostov n/D: Fenix, 2002. 672p.
4. Rickert H. The limits of natural scientific concept formation. The logical introduction into historical sciences. / H. Rickert. SPb.: Nauka, 1997. 532p.
5. Karamzin N.M. About the history of Russians state / N.M. Karamzin. M.: Prosveshchenie, 1990. 384p.
6. Klyuchevsky V.O. History of Russia. Special courses / V.O. Klyuchevsky. M.: Astrel, 2003. 479p.
7. Tsimbaev N.I. Sergey Solovyov. / N.I. Tsimbaev. M.: Mol. gvardiya, 1990. 366p.
8. Collingwood R.G. The idea of history. An autobiography / R.G. Collingwood. M.: Nauka, 1980. 485p.